

въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и Архангельскѣ, и хозяйственными способностями игумена Филиппа, старавшагося привести Соловецкій островъ въ цвѣтущее положеніе. Придирки автора книги о русскомъ самосознаніи переходятъ даже правила приличія. Съ какой стати, напримѣръ, авторъ ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я писалъ беллетристическія сочиненія? Какое кому до этого дѣло? Вѣдь мой противникъ взялся судить меня, какъ историческаго писателя! Не все ли это равно, какъ еслибы тотъ же мой противникъ, говоря о моихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, вздумалъ обвинять автора ихъ за то, что онъ играетъ въ карты или ѣздитъ на охоту? Чѣмъ бы историкъ ни развлекался въ часы своихъ досуговъ, если такія развлечения не мѣшаютъ его научнымъ занятіямъ,—никто не въ правѣ ставить ему въ упрекъ такихъ развлеченій, тѣмъ болѣе, что нельзя безусловно признавать предосудительными такого рода развлечения, какъ писаніе беллетристическихъ сочиненій, хотя бы и романовъ, какъ невѣрно ихъ называетъ мой судья. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „Черниговка“ или „Жидотрепаніе“, помѣщенное въ „Кіевской Старинѣ“, не могутъ быть никакъ причислены къ романамъ; они не заключаютъ въ себѣ ни одного вымышленнаго положенія: это пересказы въ беллетристической формѣ (которая сама собою напрашивается подъ перо) событій историческо-бытовой жизни, сообразно источникамъ, откуда почерпнуты о нихъ свѣденія. Если мои беллетристическія сочиненія неудачны, то не будутъ расходиться въ публикѣ, и я самъ покину ими заниматься. Авторъ книги съ мудренымъ названіемъ не хочетъ знать никакихъ предѣловъ своему праву суда надъ моими историческими сочиненіями и вторгается въ область, не подлежащую его обсужденію.

Книга съ мудренымъ названіемъ — книга славянофильствующая и дышетъ непріязнью къ нѣмцамъ и вообще ко всему иностранному. Нѣтъ пощадъ давно ислѣвшимъ въ землѣ ученымъ академикамъ Байеру, Миллеру, Шлецеру и другимъ, нѣтъ пощадъ и Миниху—не избавляетъ его отъ презрительнаго отзыва ни память о Ставучанской побѣдѣ, ни память о двадцатилѣтнихъ страданіяхъ безъ вины въ Пелымскомъ заточеніи. Минихъ ничего болѣе не сдѣлалъ,—говорятъ намъ,—кромѣ превращенія русскаго войска „въ пушечное мясо для пустыхъ военныхъ предпріятій“ (стр. 371). Славянофильство никакъ не хочетъ примириться съ мыслию, что Россія чѣмъ-нибудь хорошимъ обязана западному просвѣщенію. Даже такое событіе, какъ освобожденіе крестьянъ крѣпостныхъ есть „возвращеніе къ началамъ древней русской исторической жизни, и есть неоспоримое отрицаніе культурныхъ западно-европейскихъ началъ, усвоенныхъ нами, а что ба- сается закрѣпощенія крестьянъ, то оно находится въ несравненно-